

С.Ю. ВИТТЕ - НОВЫЙ ТИП РОССИЙСКОГО БЮРОКРАТА

S.Y. WITTE AS A RUSSIAN BUREAUCRAT'S NEW TYPE

E. Saginadze

Annotation

The article deals with the formation of S.Y. Witte's political reputation in the Russian society. Much attention is given to characteristic of this prominent reformer as a Russian bureaucrat's new type and Witte's image in the Russian press at the turn of XIX–XX centuries.

Keywords: the Russian Empire, top bureaucracy, S.Y. Witte, political reputation, public, the periodical press.

*Сагинадзе Элла Отаровна,
Аспирант
Санкт-Петербургского
института истории РАН*

Аннотация

В статье рассматривается формирование политической репутации С.Ю. Витте в российском обществе. Особое внимание уделяется характеристике этого выдающегося реформатора как министра нового типа и его образу в российской периодической печати на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова:

Российская империя, высшая бюрократия, С.Ю. Витте, политическая репутация, общественность, периодическая печать.

Пройдя за короткий срок путь от провинциального железнодорожного чиновника до главы финансового ведомства, С.Ю. Витте представлял собой государственного деятеля нового типа и ярко выделялся на общем "бюрократическом фоне". В августе 1892 года он был назначен исполняющим обязанности министра финансов вместо заболевшего И.А. Вышнеградского. К этому времени Сергея Юльевича уже хорошо знали в столице. Публике было известно и то, что именно Вышнеградский в 1889 году предложил государю кандидатуру управляющего Общества Юго-Западных железных дорог на пост главы Департамента железнодорожных дел, учрежденного в структуре Министерства финансов. В течение двух с половиной лет Витте под руководством Вышнеградского занимался реформированием тарифной системы и добился в этой сфере немалых успехов.

С первых дней своей государственной карьеры Витте, выражаясь словами информированного столичного журналиста, стал "объектом всеобщего внимания и нескончаемых разговоров" [17, с. 117]. Обстоятельства возвышения Витте в немалой степени повлияли на формирование его репутации в среде столичной бюрократии. Мир железнодорожного бизнеса вызывал негативную реакцию у современников. Во второй половине XIX в. строительство железных дорог было очень выгодным делом, благодатной почвой как для наживания огромных капиталов, так и разного рода злоупотреблений. Кроме того, репутация Вышнеградского, слывшего в столице взяточником и человеком с темным прошлым, лишь усиливала предубеждение против его ставленника. Хозяйка известного в Петербурге правомонархического салона записала в своем дневнике мнение о новом бюрократе: "Витте –

тоже сомнительная личность, уже одного достаточно, что он приятель Вышнеградского, вместе делали гешефты" [Гешефт – сделка, спекуляция. – Э.С.] [3, с. 176]. Накануне назначения Витте министром финансов, императору Александру III поступило письмо, автор которого, повторяя всем известное мнение о взяточничестве

С.Ю. Витте

Вышнеградского, с возмущением вопрошал: "Не сугубо ли грешно вручать ученику такого учителя [выделено в источнике. – Э.С.] продолжение [управления финансовым ведомством. – Э.С.]"? [30, л. 2 об.]

Однако были и другие мнения: некоторые современники признавали, что Витте нельзя было обвинить в корыстолюбии и стяжательстве: "Полагаю, что все знавшие хорошо С.Ю. Витте могут удостоверить, что никакие миллионы не могли заставить его покривить душой", – утверждал инженер путей сообщения Н.Н. Изнар [14, с. 94]. Не менее осведомленный служащий Комитета министров Н.Н. Покровский отмечал в своих мемуарах: "Никогда и ни от кого из лиц, близко знавших С.Ю. Витте, я не слышал, чтобы он в какой-либо мере был нечестным человеком" [31, с. 195].

Широко распространенные сплетни о взяточничестве сановника, впрочем, были испытанным аргументом в бюрократической борьбе. В письме к редактору "Московских ведомостей" С.А. Петровскому [он сменил на этом посту М.Н. Каткова, умершего в 1887 г. – Э. С.] влиятельный правый деятель В.А. Грингмут отмечал широкое распространение слухов о взяточничестве Витте и Вышнеградского, которые появлялись "при каждом займе и при каждой конверсии". По словам Петровского, Вышнеградский в свое время был этим очень озабочен [29, л. 17–17 об].

В столице к Витте сразу же стали относиться как к выскочке (*parvenu*), человеку из чуждой среды. Дополнительным фактором, побуждавшим воспринимать министра в подобном качестве, были особенности его внешности и манер, сразу бросающиеся в глаза. Один из его сотрудников В.И. Ковалевский вспоминал: "На первых порах поражала прежде всего внешность Витте: высокая статура, грузная поступь, развалистая посадка, неуклюжесть, сипловатый голос; неправильное произношение с южно-русскими особенностями: ходатайство, верства, учёбный, плацформа, сельские хозяева – резали утонченное петербургское ухо. Не нравилась фамильярность или резкость в обращении" [15, с. 57].

Резкость и угловатость манер, отсутствие внешнего лоска, порой даже грубость речи, производили сильное впечатление. Государственный секретарь А.А. Половцов с неприязнью отметил в своем дневнике, что у нового министра "такие хватки, что и в дворницкую едва пустить можно" [32, с. 470]. Отзыв генеральши Богданович о Витте было немногим благоприятнее: "похож скорее на купца, чем на чиновника" [3, с. 102]. Тех же, кто к С.Ю. Витте как к носителю нового облика относился скорее с симпатией, он подкупал своей естественностью, безыскусственностью и отсутствием чиновничьего подобострастия. В.П. Мещерский, издатель влиятельной столичной газеты "Гражданин", в салоне которого часто бывал Сергей Юльевич, отмечал: "В черном сюртуке, развязанный и свободный в своей речи и в каждом своем дей-

ствии, он мне напомнил наружностью английского государственного человека" [25, с. 797].

Образованную публику шокировали речь Витте и его манера держаться. Министр иностранных дел А.П. Извольский, привыкший, как и многие представители высших административных кругов, к чистому русскому языку двух столиц, вспоминал: "Что всегда производило на меня неприятное впечатление, это его голос, который звучал очень резко и особенно его произношение, усвоенное им в юности, когда он жил в Одессе. <...> Это произношение, которое было для него обычным явлением, чрезвычайно резало ухо" [12, с. 86]. Вульгарность и грамматические ошибки речи С.Ю. Витте признавали многие сотрудники С.Ю. Витте – Л.М. Клячко–Львов, И.И. Кольшко, А.В. Руманов, т.е. журналисты, для которых этот показатель был весьма важен.

Для многих было очевидно, что в сановнике, которого они видели перед собой, "не было ничего от бюрократического штампа" [35, с. 216], что перед ними – "самодержавный делец" [43, с. 52], "крупный делец государственного масштаба" [20], который своим внешним обликом скорее похож на предпринимателя, чем на главу министерства.

Нужно отметить, что появление провинциального управляющего в высших сферах Петербурга не было случайностью: это было связано с изменением социального состава российского государственно-бюрократического аппарата. Прежде главными критериями при назначении того или иного чиновника на министерский пост были дворянское происхождение, приверженность официальным взглядам, опыт канцелярской работы, беспорочная служба в прошлом. Однако под влиянием реформ 1860–х гг. главами ведомств все чаще стали назначать людей, имеющих опыт практической созидательной работы и знатность происхождения со временем перестала быть определяющим критерием. При этом такие сановники (по часто используемой в литературе терминологии "министры-специалисты") своей предыдущей карьерой были связаны если не с тем же министерством, то, по крайней мере, со сходной отраслью управления. По подсчетам исследователей, в конце XIX века "специалисты" составляли 75% от общего числа министров. Примерно столько же в процентном отношении сановников происходило из провинции [34, с. 38].

Поэтому Витте был не единственным министром Российской империи не аристократического происхождения в конце XIX – начале XX в. Несмотря на это, Сергей Юльевич все же заметно выделялся на общем фоне: он так и не усвоил светских манер и не приобрел внешнего лоска, столь необходимых в высшем обществе. Ближко знавший сановника публицист И.И. Кольшко полагал, что Витте на своем посту "от первого до последнего дня все так же коробил и шокировал своих коллег", утверждая, что "сущенная виттовская индивидуальность", "запах" Витте" во

всех начинаниях, оказывал на окружающих гнетущее впечатление [17, с. 161]. Воспоминания Колышко – крайне пристрастный источник, а многие оценки мемуариста обусловлены личной обидой на С.Ю. Витте: тот намекнул в своих воспоминаниях, что публицист был любовником князя В.П. Мещерского [11, с. 267]. Однако подобные мнения высказывали многие люди, знакомые с Сергеем Юльевичем. Один из сотрудников Витте в Министерстве финансов отмечал, что он "сохранил навсегда хватки и приемы, резко детонировавшие в окружавшей его среде" [33, л. 13]. Примечательны воспоминания Н.Н. Львова, предводителя дворянства Саратовской губернии, одного из видных членов кадетской партии. Львов описал свои впечатления от внешнего облика С.Ю. Витте следующим образом: "Он [Витте – Э.С.] выглядел каким-то провинциальным управляющим банкирской конторы, какие встречаются в наших южных торговых городах, и всего менее сановником и министром Александра III" [20]. Это мемуарное свидетельство интересно тем, что Львов впервые увидел знаменитого министра в 1906 г., т.е. уже после его отставки. По-видимому, внешний облик и манеры министра за долгие годы не претерпели существенных изменений.

Некоторые особенности манер и поведения Витте были и вовсе экзотичными для петербургского общества. А.С. Суворин в беседе с В.В. Розановым передавал разговоры публики о министре: "Витте, я слышал, преспокойно может забыть, что у него не переменены (за неделю, должно быть) носки, и проходить две недели в грязных носках [27, с.13]. По воспоминаниям одного из литературных сотрудников Сергея Юльевича, относящегося к сановнику с явной симпатией, за столом он вел себя достаточно "непринужденно": "На одном из дипломатических приемов С.Ю. Витте увлекся беседой, и не заметил, что его тарелку унесли (он ел цыплят). Не смутившись ни на секунду, он швырнул косточку под стол и как ни в чем не бывало продолжал беседу..." [35, с.221].

Как отмечали многие знавшие Витте люди, он стеснялся своего незначительного происхождения и "заметно льнул к аристократическим верхам" [33, л. 162]. Министр особенно любил подчеркивать, что по материнской линии он происходил из древнего княжеского рода Долгоруких. В кабинете Витте в его особняке на Каменноостровском проспекте вся стена была увешана портретами его предков со стороны матери. Один из литературных сотрудников Витте вспоминал впоследствии: "Об этих "предках" он мог говорить часами, и нельзя было доставить ему большего удовольствия, как спросить, в каком он родстве с Михаилом Черниговским (из Долгоруких), умученным в Орде. Витте немедленно устремлялся к портретной стене и начинал с увлечением объяснять генеалогию Долгоруких" [35, с. 220]. Характерно, что, рассказывая в мемуарах о своей родословной, сам Витте очень скупо пишет о предках со стороны отца, зато много рассказывает о родственниках своей матери. Витте-мемуарист хотел убедить потомков, что происходил не из малоизвестного

обрусевшего немецкого рода (родственники отца Сергея Юльевича были из "служилых" и получили дворянство лишь во второй половине XIX в.), а вел свою родословную от Рюриковичей. Сановник сделал все возможное, чтобы именно такие сведения о его семье попали в солидные справочные издания. В частности, статья для словаря "Гранат" была написана в 1911 году П.Н. Милюковым по материалам, предоставленным ему лично Витте. Кроме того, данные о происхождении сановника в словаре Брокгауза и Эфрона, не противоречат его мемуарам [1, с. 9].

По-видимому, в обществе это было достаточно известно. В одном из номеров в черносотенном листке "Русская Виттова пляска" в 1906 году была опубликована сатирическая сценка, где в качестве анонимного сановника был выведен С.Ю. Витте. И хотя имя Сергея Юльевича в ней не указывалось, из общего смысла статьи понятно, что подразумевается ни кто иной, как Витте. Сценка воспроизводила интервью "сановника" репортеру одной из газет, происходящее в его собственном кабинете. Репортер, рассматривая портреты, висящие на стене, спрашивал "сановника":

Репортер: А чей это портрет, ваше сиятельство?

Сановник: Моего пращура – с материнской стороны. Я с материнской стороны происхожу из княжеского рода и напрасно думают, что будто я из жидов. Вот вздор. Вот этот портрет доказывает...

Репортер: А с отцовской?

Сановник: С отцовской у меня ни деда, ни прадеда, ни отца не было. Один только дядя и тот двоюродный. Об этом писать впрочем нечего [45].

Сам сатирический жанр статьи, отсутствие имен, свидетельствует об известности обыгрываемого в ней сюжета в обществе, ведь для того, чтобы какой-то факт стал предметом осмеяния, нужно, чтобы он был хорошо понятен читателю.

По мнению современников, С.Ю. Витте не хватало последовательной идеологии. Его резкие повороты в политике, склонность к интригам и постоянное стремление расширить сферу своего влияния, а также хитрость и беспринципность, заставляли многих полагать, что поступки сановника диктовались исключительно честолюбием и вероломством. Бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин, негативно относившийся к Сергею Юльевичу, писал в своих воспоминаниях: "Бюрократический Петербург хорошо знал С.Ю. Витте и характеризовал его всегда так: большой ум, крайнее невежество, беспринципность и карьеризм" [18, с. 4]. А.В. Богданович высказала мнение многих, заметив, что "Витте не лгун, Витте – отец лжи" [3, с. 302]. Один из видных столичных чиновников вспоминал: "Петербургцы перекрестили его [Витте – Э.С.] в "Сергея Жульевича": репутации доки и ловкача за ним не отрицал никто" [43, с. 54].

Вместе с тем, даже люди, враждебно настроенные к Сергею Юльевичу, безоговорочно признавали его ум и незаурядные способности. Важной характеристикой при оценке нового министра было резкое противоречие между его способностями и моральными качествами. Генеральша Богданович занесла в свой дневник: "Про Витте много темного рассказывают, хотя все единодушно говорят, что он умен и железнодорожное дело знает" [3, с. 176]. А.А. Половцов, наблюдавший на своем веку немало бюрократических карьер, так описал свое первое впечатление от нового управляющего: "По-видимому, очень умен, сдержан, будет полезен в своем ведомстве, но в смысле честности, добросовестности не внушает никакого доверия" [32, с. 453].

Мотив противоречия между его выдающимися способностями, вульгарностью и резкостью манер был очень важен при восприятии Сергея Юльевича: "В Витте, при личном общении, всегда поражала казавшаяся невероятной смесь невежественного, вульгарного обывателя – и гениального дельца огромного калибра и силы...", – вспоминал камергер И.И. Тхоржевский [43, с. 77].

Более того, его личные качества, выдающие в нем человека, чуждого столичным условностям и традициям, его самобытность и индивидуальность, в глазах многих были и его силой: "Все же надо признать, – писал видный представитель столичной бюрократии С.Д. Урусов, – С.Ю. Витте внес в министерскую деятельность свои собственные приемы, свежесть провинциала, не стеснявшегося традициями, свежесть и бесцеремонность *homo novus*, некоторый азарт счастливого игрока – словом, всколыхнул ингерманландское болото" [44, с. 614].

Были и те, кто думал иначе. Редактор "Московских ведомостей" Л. Тихомиров отмечал в своем дневнике в 1899 году: "Гнусный сифилитик душой и телом, этот тип мерзейшего интеллигента, не помнящего духовного родства, Витте, как отвратительнейший из бесов, возвысился, властвовал, насиловал Россию своим чиновничьим, растлевающим либерализмом..." [Цит. по: 2, с. 75]. По-видимому, манера поведения Витте, его напор и размах государственной деятельности пугали непредсказуемостью последствий, чем и объясняется резкость столь грубой оценки.

Почти сразу же после вступления Витте в должность министра финансов стали отмечать, что его влияние в правительстве резко и неуклонно возрастает. Уже в 1894 году А.С. Суворин писал в "Новом времени": "Министр финансов сделался первым министром по значению и по влиянию на других министров, <...> есть общая политика правительства, которая не может быть поглощена политикой министерства финансов". По мнению Суворина, это произошло независимо от Витте: "личность министра может сделать такой порядок только более определенным" [41]. Некоторые объясняли этот факт личными особенностями характера Витте и его властью: "Как только граф Витте сделался министром финансов, –

писал министр иностранных дел в 1906–1910 гг. А. П. Извольский, – он сейчас же обнаружил явную склонность доминировать над другими членами кабинета и стал *de facto*, если не *de jure*, действительным главой русского правительства" [12, с. 89]. Были и те, кто полагал, что Витте умело воспользовался теми полномочиями, которые дал ему пост, и обратил это положение в свою пользу в угоду своему честолюбию. "Главную задачу каждого ведомства, – утверждал противник С.Ю. Витте В.М. Вонлярлярский, – было ладить с министром финансов, чтоб получить желательные для ведомства кредиты по государственному бюджету. С.Ю. Витте прекрасно учел это положение и из министра финансов легко создал положение хозяина всей экономической жизни России или вернее безответственного экономического диктатора" [6, с. 124].

Несмотря на отталкивающие и противоречивые черты С.Ю. Витте, на фоне других бюрократов он представлялся некоторым современникам в чем-то привлекательной фигурой. При широко распространенном в российском обществе негативном отношении к чиновничеству, состоящем, по распространенному мнению, либо "из идиотов, либо из мошенников" [10, л. 41]. Витте в глазах многих всегда оказывался на порядок выше других, хотя его и оценивали, подчас, как "одноглазого среди слепых" [21, с. 330]. Близко знакомый с министром граф С.Д. Шереметьев, считал Витте незаурядным человеком, и, тем не менее, подчас бывал шокирован сочетанием в нем самых несовместимых черт: "Неужели никогда не выяснится для меня истинная сущность (начинка) этого удивительного, ошеломляющего человека, с его сочетанием противоречивых оказательств, то отталкивающих, то невольно захватывающих вас какою-то особой, словно магической силою... "Чур меня", – хотелось бы иногда сказать" [46, с. 157–158].

Эти оценки министра финансов были обусловлены, главным образом, низкой оценкой бюрократической элиты в российском обществе: "Мы были бы и смиреннее и умнее, будь наши государственные люди талантливы, как, например, в Англии. Но – государственных талантов у нас – нет. И, вот, мы поднимаем на щитах даже такого, как Витте", – заявлял автор одного из частных писем своему адресату [16, л. 25].

На страницах периодических изданий Витте представлялся как исключительно энергичный чиновник, чей опыт и навыки управления станут важным подспорьем в решении стоящих перед ним сложных задач. Прежде всего, его рассматривали как министра-практика. В необходимости глубоких экономических и политических реформ были убеждены публицисты "Нового времени": это был основной мотив издания в последнее десятилетие XIX в [19]. В одном из своих "Маленьких писем" 1893 г. А.С. Суворин особенно отмечал Витте как представителя нового в российской политике направления "юго-западничества", намекая на его связь с Юго-Западным краем и большой

опыт частной службы. По словам Суворина, это направление "характеризуется <...> прямо жизненными задачами, не идеями, не теориями, а практикою идей, приложением их к жизни и известною смелостью" [40].

"Нововременцы" были готовы принять многие недостатки Витте с поправкой на масштаб стоящих перед ним задач. М.О. Меньшиков, отвечая в одной из своих статей многим обвинителям министра финансов в том, что цена его реформ слишком высока, утверждал: "Что народу очень тяжело, это бесспорно. Но оттого ли, спрошу я, что правительством предприняты грандиозные планы? Или оттого, что они предприняты слишком поздно? <...> Планы г. Витте ничем не шире страны, для которой предложены. <...> Мне кажется, решительной заслугой С.Ю. Витте следует счесть то, что он вместе с Вышнеградским увидел истинные размеры России. Недаром оба министра – математики" [23].

Вместе с тем, отношения "Нового времени" и министра финансов были сложными и неоднозначными. Благодаря помощи Витте контрагентство Суворина стало фактически монополистом по продаже печатной продукции на Варшавской железной дороге [39, с. 215]. Суворин далеко не во всем был согласен с политикой Витте (он был противником девальвации рубля, выступал против широкого привлечения иностранных капиталов). Тем не менее, он считал министра "одним из самых даровитых людей" своего времени [42].

"Биржевые ведомости" на протяжении всего периода его деятельности на посту министра поддерживали его экономический курс. Фактически, "Биржевые ведомости" были лагерем сторонников Витте; на страницах издания нередко пропагандировались те или иные мероприятия министра финансов. Сергей Юльевич и редактор газеты С.М. Проппер были близко знакомы лично, благодаря протекции Витте Проппер получил чин советника коммерции [4, с. 40].

На страницах газеты С.Ю. Витте представал энергичным и деятельным министром, чьи личные качества и инициатива явились главным условием успеха преобразований. Так, на протяжении 1895 г., когда проводимая министром реформа денежного обращения стала предметом острых дискуссий в обществе, в "Биржевых ведомостях" неоднократно подчеркивалось, что министр имеет необходимый багаж теоретических знаний в своей области, а сама реформа хорошо продумана и подготовлена [37, с. 71–72]. Однако это было сделано с явной пропагандистской целью и не в полной мере было истиной.

Интересно, что изначально Витте выступал сторонником бумажного обращения и даже написал по этому поводу специальную записку. Это обстоятельство министр впоследствии пытался скрыть. Бывший директор департамента железнодорожных дел Министерства финансов В.В. Максимов, сообщая корреспонденту газеты "День"

об этом эпизоде, отмечал, что "Витте страшно конфузился, когда кто-нибудь случайно упоминал об этой записке, и принял меры к уничтожению всех ее экземпляров" [9].

Надо отметить, что даже многие литературные сотрудники Витте хорошо знали, что теоретическая подготовка у него была явно недостаточной. К примеру, А.Н. Гурьев, приближенный к Сергею Юльевичу сотрудник Министерства финансов и публицист "Нового времени" заявлял Суворину в одном из писем: "Прошу Вас не считать меня каким-то панегириком г. Витте: я совершенно не сочувствую его направлению, так как вижу в нем неоспоримое доказательство совершенного отсутствия и теоретических и практических сведений в экономической и финансовой области" [28, л. 2]. Между тем, Гурьев, как и многие публицисты "Биржевых ведомостей", рисовал на страницах печати образ Витте как теоретически подкованного главы министерства.

"Гражданин" князя В.П. Мещерского считалось в столице близким к С.Ю. Витте изданием: министр, по приказу государя передавал князю деньги на издание газеты. Мещерский и Витте в 1890-х гг. тесно сотрудничали, в чем министр позднее раскисался [11, с. 581]. Интересно, что "Гражданин" на своих страницах пытался отвести от Витте распространенное обвинение в том, что его реформы привели к широкому распространению грюндерства и отдали Россию "на откуп" иностранным предпринимателям. Один из авторов "Гражданина" И.И. Кольшко заявлял: "Лихорадка промышленного расцвета, ажиотаж всякого рода и сближение на всех поприщах с внешними формами жизни Запада породили армию лиц с раздраженными вкусами, поверхностной трудоспособностью и отсутствием всякого мировоззрения. Эти лица, цепляясь за народ и интеллигенцию, бродя возле великолепных сооружений, воздвигнутых на иностранные деньги, – голодные, обездоленные – потеряли меру русской действительности, и в думах их стерлась русская идея."

Каменноостровский проспект, дом 5 — особняк С.Ю. Витте.

Вот такая муть лежит на дне реформ последнего десятилетия, но винить за нее вдохновителя этих реформ вряд ли справедливо" [38]. Публицист в этой статье стремился отделить Витте от нарождающегося слоя капиталистических дельцов и биржевиков, отношение к которым в обществе было резко отрицательным. Рост влияния предпринимателей в различных областях хозяйственной жизни не сделало их ведущей общественной силой. Один из видных представителей делового мира профессор И.Х. Озеров вспоминал: "Русское общество в вопросе индустриализации России стояло на очень низком уровне. Русское общество жило дворянской моралью – подальше от промышленности – это де дело нечистое и недостойное каждого интеллигента" [26, л. 4]. Политическая ангажированность этой статьи тем более ясна, что в своих воспоминаниях, вышедших уже в 1930-х гг. в эмиграции, Колышко отстаивает противоположную точку зрения [17, с. 123–124].

Важно отметить, что к этому приему прибегал даже главный критик Витте – издатель столичной газеты "Русский труд" С.Ф. Шарапов. Он выражал интересы крупных дворян-землевладельцев, недовольных ускоренной модернизацией экономики (сам публицист был председателем акционерной компании по производству плугов). Шарапов старался не задевать министра лично в открытой печати и не делал акцент на его личной ответственности за курс правительственной политики. Он указывал на объективные условия, в которых глава финансового ведомства был вынужден действовать подобным образом: "С.Ю. Витте стал быстро на моих глазах тонуть в окружающем... Биржевики, банкиры, концессионеры, спекулянты, международный литературный сброд. Министр бывал буквально на кресте распят" [36]. Шарапов, тем не менее, признавал роль Витте как выдающегося министра-практика, подчеркивая, что он является носителем новых тенденций в государственном аппарате Российской империи [37, с. 77–78].

Интересно, что в газетной публицистике достаточно расхожим стало сравнение С.Ю. Витте с самым известным российским реформатором – Петром I. М.О. Меньшиков писал: "В деятельности министра финансов перед нами прямо гениальный, методически развиваемый, грандиозный план, который по внутреннему существу очень похож на дело Петра Великого. <...> Вдумайтесь в предприятия нашего министра финансов. Поражает их молниеносная решительность и необъятный масштаб. Окиньте глазом столь широко разросшееся государственное хозяйство, неслыханно быстрое развитие железнодорожной сети, необычайно смелую золотую реформу и небывалый по размерам опыт винной монополии. Размах прямо Петровской эпохи" [24]! В одной из своих статей к аналогии С.Ю. Витте с Петром Великим прибегнул и другой известнейший публицист эпохи – В.В.

Розанов: "Вообще же говоря, Витте весь стихийен, слеп, силен; "прет", "ломит"... В нем был осколочек Петра Великого. <...> Во всяком случае, ни один человек в России за XVIII, за XIX и вот за десять лет XX века так не напоминает Петра, так не родствен ему по всему составу даже костей своих, нервов своих, мускулов своих, как Витте" [5, л. 183 об.].

Сразу после смерти С.Ю. Витте в феврале 1915 года видный либеральный публицист А.С. Изгоев поместил в московском либеральном журнале "Русская мысль" статью о почившем сановнике, в которой настаивал, что по размаху творческой энергии С.Ю. Витте может быть приравнен только к Петру Великому [13, с. 154]. Интересно, что эта аналогия казалась верной изданиям разного политического спектра. Подобные сравнения Витте с Петром I были, по всей видимости, неслучайны: главными характеристиками С.Ю. Витте как министра в прессе были смелость преобразований, неисчерпаемая энергия, неутомимость и трудолюбие, настойчивость, большой опыт практической работы.

Для либеральных изданий важным при характеристике министра финансов было его внимание к общественному мнению. Так, один из постоянных авторов "Биржевых ведомостей" К.Н. Градовский (псевдоним Гамма) [22, с. 286] с удовлетворением отмечал, что общественное мнение имеет возможность обсуждать в открытой печати важнейшее мероприятие министра финансов – введение золотого обращения в 1897 году: "Реформу надо обсуждать до тех пор, пока не будут рассеяны все существующие относительно неё "предубеждения" <...> Обязанность печати подготовить общество к предстоящему денежному преобразованию. Она выполнила уже отчасти эту обязанность; многое уже выяснилось, спорные вопросы сгладились, пришли к довольно единодушному мнению. Это очень поучительная история, наглядно свидетельствующая о той пользе, которую приносят печать и свободный обмен мнений. Необходимо было бы иметь в виду эту пользу и во всех других делах и случаях, точно также, как и при обсуждении положения самой печати" [7]. В одном из своих "Дневников" от 7 апреля 1896 года, когда полемика вокруг реформы была особенно острой, Градовский подчеркивал: "Нововведения, подобные денежной реформе, не могут войти в жизнь и принести всю ожидаемую пользу, если нет предварительно подготовленной нравственной и умственной почвы" [8].

Таким образом, на страницах печати Витте-реформатор, зачастую, отделялся от проводимой им экономической политики и ее последствий.

Важнейшими характеристиками нового министра были смелость, энергичность, внимание к общественному мнению и нетипичный для России размах деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 430 с.
2. Ахтямов В.В. Психоисторические аспекты жизни и деятельности С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 195 с.
3. Богданович А.В. Три последних самодержца. М.: Новости, 1992. 608 с.
4. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.
5. Варварин В. [Розанов В.В.] Витте и Победоносцев // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 736.
6. Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания, 1852–1939. Берлин: Русское национальное издательство, 1939. 250 с.
7. Гамма [Градовский Г.К.] Дневники Гаммы // Биржевые ведомости. 1896. 5 марта.
8. Гамма [Градовский Г.К.] Дневники Гаммы // Биржевые ведомости. 1896. 7 апреля.
9. День. Пг., 1915. 7 марта.
10. Дневник В.М. Голицына // ОР РГБ. Ф. 75. Кн. 21. Запись 6 мая 1899.
11. Из архива С.Ю. Витте: воспоминания: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. Кн. 1.
12. Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1990. 192 с.
13. Изгоев А.С. С.Ю. Витте // Русская мысль. 1915. № 3. С. 153–158.
14. Изнар Н.Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 93–108.
15. Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 5–96.
16. Коллекция С.М. Вяземского // ЦГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 530. Возможно, автор письма – А.М. Горький (Пешков).
17. Колышко И.И. Великий распад: воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб.: "Нестор-История", 2009. 464 с.
18. Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. (По поводу "Воспоминаний" графа С.Ю. Витте). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 98 с.
19. Лукоянов И.В. Публицисты "Нового времени" и проблема реформ в России (середина 1890–х гг. XIX в. – 1905 г.) // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. Сб. науч. тр. М.; СПб.: Ин-т рос. истории РАН, 1992. С. 119–141.
20. Львов Н.Н. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин // Возрождение. 1927. 17 декабря.
21. Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910: "Яснополяские записки": в 5 кн. Кн. 1: 1904–1905. М.: Наука, 1979. 482 с.
22. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1956. Т. 1.
23. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Большое плавание // Новое время. 1903. 24 августа.
24. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Еще раз Петровская реформа // Новое время. 1902. 23 января.
25. Мещерский В.П. Воспоминания. 2–е изд. М.: Захаров, 2003. 864 с.
26. Озеров И.Х. Воспоминания: черновики. 1905–1917 гг. // ОР РГБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4.
27. Письма А.С. Суворина – В.В. Розанову с портретом умирающего А. С. Суворина (неизданная фототипия). СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина "Новое время", 1913. 183 с.
28. Письмо А.Н. Гурьева А.С. Суворину. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1116.
29. Письмо Грингмута В.А. к Петровскому С.А // ОР РГБ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 39.
30. Письмо неустановленного лица (подпись "Старый гвардеец") Александру III с возражением против назначения С.Ю. Витте министром финансов // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 882.
31. Покровский Н.Н. Воспоминания о Комитете министров в 90–е годы // Исторический архив. 2002. № 2. С. 179–215.
32. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2. 639 с.
33. Путилов А.С. Воспоминания (1881–конец XIX в.) и граф С.Ю. Витте. Из личных воспоминаний // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217.
34. Раскин Д.И. Специализация высшей российской бюрократии XIX– начала XX веков: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 29–42.
35. Руманов А.В. Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // Время и мы. Нью-Йорк, 1987. № 95. С. 213–232.
36. Русский труд. 1899. 12 апреля.
37. Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте глазами русской периодической печати (по материалам газет "Новое время", "Биржевые ведомости" и "Русский труд") // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 2008. № 2. С. 77–78.
38. Серенький [Колышко И.И.] Цена реформ // Гражданин. 1902. 20 января.
39. Суворин А.С. Дневник. 2–е изд. М.: Издательство Независимая газета, 2000. 670 с.
40. Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1893. 13 января.
41. Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1894. 17 декабря.
42. Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1898. 18 ноября.
43. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: Алетей, 1999. 256 с.
44. Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 859 с.
45. Утро сановника. Сцена в наши дни из нашей жизни // Русская Виттова пляска. СПб., 1906. № 4.
46. Шохин Л.И. Дневниковые записи С.Д. Шереметьева об С.Ю. Витте // Отечественная история. 1998. № 2. С. 149–163.